

Красный Север

Выходит в мае 1917 года

Общественно-политическая газета

Газета выходит 300 раз в году • Воскресенье, 9 декабря 1990 года • № 282 (22045)

Храни огонь родного очага...

В одной из деревень Верхнеленинградского сельсовета Тотемского района — Орлово до недавних пор было дедовским избом. Теперь остался один. А моя знакомая бабушка Фаина Васильевна Крюкова, скоронив мужа — ветерана войны, так и не дождалась своего новоселья, переехав на центральную усадьбу. Дети все в больших городах. Разве что в отпуск приедут, привезут внучат сердце порадовать.

А от иных, таких, как деревня с поэтическим названием Лиственница, и следа не осталось. Теперь раскинулось колхозное поле. Эка невидаль, скажет застенчивый наш прессовый читатель, и будет прав. Разоренных селений на Руси превеликое множество. Промерзлые избы глядят на пустой проселок заколоченными глазницами окон. Раз-

рушенные храмы не зовут народ очистить душу. Будто новоиспеченный Мамай прошел с дликой конницей, опустошая все в округе каленым железом. Увы, нам некого винить в том, кроме самих себя. Потому, что молчали, когда разрушала семью коллективизация, подрубала самый корень вековые обычаи и народную культуру индустриализация.

А теперь словно очнулись, прозрели все сразу: что же с нами стало? Призадумались, почему пьянка уже не только по праздникам, но и в будний день обычное дело. Почему естественные для человека нравственные тормоза вдруг (вдруг ли?) сорваны потоком мутной «порухи» на экранах и в литературе. Почему дети и внуки, глядя чистыми очками на нас, спрашивают, как же мы дошли до жизни такой?

И вот уж кто-то подхватил поминальную страну и государственному строю, растерявшись на крутом повороте. А кто-то сознательно подталкивает к краю, за которым бездна, наивно полагая, что минет именно его обшая чаша сия...

Но пока по-прежнему курятся в опустевших порядком деревнях печи морозным утром, пока рассказывают долгими зимними вечерами бабушки сказки внукам, пока жив дух русский в народе и хранят его традиции долготерпеливые женщины, до той поры есть надежда на лучший исход. Только не стоит уповать на наше знаменитое «авось», успокаиваясь мыслью, мол, русские долго запрягают, да быстро ездят! Может случиться так, что нечего будет запрягать и не на чем ехать.

ПОЧТИ ВСЕ СЕГОДНЯШНИЙ НОМЕР ГАЗЕТЫ ПОСВЯЩЕН НАШИМ НАБОЛЕВШИМ ПРОБЛЕМАМ. ЭТИ МАТЕРИАЛЫ СОБРАНЫ ВМЕСТЕ НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СГУСТИТЬ КРАСКИ. МЫ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ПРОТИВНИКИ «ЧЕРНУХИ», ОДНОБОКОСТИ. А СДЕЛАНО ТАК, ЧТОБЫ СКАЗАТЬ ВАМ: «ЛЮДИ! НИКТО НЕ ИСПРАВИТ НАШИ ПОРОКИ, КРОМЕ НАС САМИХ». МОЖЕТ, ПОРА БРАТЬСЯ ЗА ДЕЛО, ЗА МЕТЛУ, О ЧЕМ ТАК ФИЛОСОФСКИ И С ТАКОЙ ПРОНИЗИТЕЛЬНОСТЬЮ НАПИСАЛ НАШ ЗНАМЕНИТЫЙ ЗЕМЛЯК АЛЕКСАНДР ЯШИН В ПУБЛИКУЕМОМ СЕГОДНЯ СТИХОТВОРЕНИИ.

● Александр Яшин

Думалось,
не прибраться —
Сору в избе

Может,
и не стараться,
Не справится
все равно.

Словно
завоеватели
Ночь провели
на полу —

Что тебе
под полатами,
Что тебе
в красном углу.

А помахала
веничком,
Тряпкой сырой
прошлась,

И оказалось —
маненечко,
Ладно,
что принялась.

Все уместилось
в горсти,
Стоило лишь
подмести!

Неужели упустим шанс застичи исторический?
Виктор ЗАХАРОВ.

Поживем — увидим!

Пожалуй, одним из самых памятных событий этой недели явилась презентация книги «Реквием... 1941—1945», проходившая в Вологодском городском Совете.

Колоссальный труд проработали ученые и преподаватели, студенты группы «Поиск» и журналисты, ветераны войны и труда, работники здравоохранения, загсов и военкоматов, чтобы выявить имена всех ленинградцев, похороненных на Вологодчине. Почетными грамотами, цветами и памятными сувенирами городской Совет отметил работу авторского коллектива. Словом, все было торжественно и памятно.

Кроме одного: в зале городского Совета не оказалось депутатов Ленинградского горсовета. Они не приехали. А их так ждали вологжане. Им заранее послали приглашения, приготовили цветы, гостиницу. Но... увы. Получилась грустная картина. И невольно вспомнились слова в предисловии к «Реквиему» поэта Михаила Дудина: «Об этом забывать нельзя. Жителям Вологды мне хочется поклониться за их человеческий подвиг Памяти, Любви и Веры. Этот благородный пример, может быть, заставит и моих сограждан ленинградцев побеспокоиться о своих героях и мучениках: времени фашистской блокады...». Что ж, проживем — увидим!

Раненое сердце

Шел по улице солдат. Ловил на себе восхищенные взгляды девушек, завистливые взоры сверстников: «Афганец». «Он воевал, а мы...». Шел по улице герой, и стально звенели медали, каплей крови горел орден, а люди улыбались и смотрели вслеп.

Прошло пять лет. Идет по улице солдат. Уставший парень, усталого времени. Бьются ноги — протерты. Вместо тела — рубцы и раны. Вместо души — обломки и пули. Ловит мимолетные взгляды пацанов, насмешки девушек: «Уу, афганский бандит!..».

Хлынул дождь, и солдат по привычке подоткнул смуглое лицо под прохладные струи, но сердце, раненое горько, бьется тоскливо и глухо.

Они плохо воевали или мы плохо понимали? Им говорили: «Надо». Они вошли. Сказали: «Надо». Они вышли.

Где же вы, восхищенные пацаны, восторженные девушки и сверстники. Кто виноват: мы или время? Скажите.

Лена ВАВИЛОВА,
девятый класс, школа № 3.

г. Вологда.

ЗАВТРА В БРЯНСКЕ НАЧИНАЕТ СВОЮ РАБОТУ I СЪЕЗД СОЮЗА «ЧЕРНОБЫЛЬ» РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ОТ НАШЕЙ ОБЛАСТИ, ОТ ПОЛУТОРА ТЫСЯЧ УЧАСТНИКОВ ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ КАТАСТРОФЫ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС ДЕЛЕГИРОВАНО ТРИ ЧЕЛОВЕКА. ЭТО ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЛАСТНОГО ОБЩЕСТВА «ЧЕРНОБЫЛЬ» Н. К. НАУЦУН, ЧЛЕН СОВЕТА, ВРАЧ А. П. ВИЛЬВЕРТ И Я, КОРРЕСПОНДЕНТ «КРАСНОГО СЕВЕРА».

Я не была в Чернобыле и, возможно, займу на съезде чужое место. Но выбравшие сказали мне: «Ты не была в Чернобыле, значит, крепче, здоровее многих из нас и сумеешь легче перенести то страшное, что увидишь, о чем узнаешь в Брянске. Ты журналист, знаешь, через газету об этом расскажем».

Когда вы начнете читать номер, мы будем уже в пути. В дорогу я взяла лекарств: сердечные, успокоительные, от головной боли... Так советоваляли бывалые люди, которые уже участвовали в больших, многолюдных встречах чернобыльцев. На съезде, конечно, организуют дежурство опытных врачей, рядом со зданием поставят «скорую помощь», но плохо может стать слишком многим. Да и Брянск опять же...

Да, Брянск. Хотя поначалу съезд предполагалось проводить в Москве. Но очень уж много мероприятий выпало нынче на Москву, принять еще и чернобыльцев столица не смогла. Или не захотела.

Впрочем, пусть будет Брянск. Российская земля, пострадавшая наравне с землями Украины и Белоруссии. И не надо будет объяснять, как выглядит край, на который рухнуло гибельное радиоактивное облако, как там жить и расти детям, как больно за них и страшно. Мы все увидим сами. И могила тех, кого Чернобыль уложил раньше срока в землю, — тоже.

А что расскажем мы? Мы едем из благополучной и не самой бедной области, и пострадавших от аварии на ЧАЭС у нас всего полторы тысячи. Значит, они в лучшем положении, нежели те десятки тысяч, миллионы, кто жили и живут на «эвакуированной» территории, и каждый год, месяц, день увеличивают их муки.

Но и мы не привезем хороших вестей. Половина наших участников ликвидации последствий аварии (ЛПВА) болен, иные уже умерли. Не хочется об этом говорить, писать, но от кого скрывать? Чернобыльцам и без этого известно свое положение, истинное количество связанных ими рентген. А что окружающие должны, обязаны знать: нет у нас сейчас категории людей, которая бы так страдала и была столь незащищенной.

Я заранее прошу прощения у инвалидов и участников войны, у афганцев и многодетных семей. Им досталось и достается. Но у фронтовиков за плечами сорок пять послевоенных лет, значит, есть, пусть и не очень веселое, сытное, но прошлое. Афганцы, даже инвалиды, могут рассчитывать на будущее. Будущее есть у многодетных

матерей: дети вырастут, и трудности рано или поздно останутся позади.

Что есть у чернобыльцев? Многие из них по заданию военного командования в неполные 19—20 лет оказались рядом с изрыгающей ядерную смерть реактором. Будет у них будущее?

А каков сегодняшний день участников ЛПВА?

Постановление Совмина СССР об улучшении медицинского обслуживания чернобыльцев, о введении им определенных льгот принято восемь месяцев назад. Не станем здесь обсуждать,

почему данный документ вышел через четыре года после аварии на ЧАЭС. Лучше поздно...

Но ведь и сейчас положение героев Чернобыля не улучшилось: постановление не спешит выполняться. Об этом я уже сообщала в материале «Место подруги и место — жизни», опубликованном в «Красном Севере» 18 ноября. После статьи председатель совета областного общества «Чернобыль» Н. К. Науцун встречался с руководителем Вологодского городского и областного Советов народных депутатов. В горисполком на основании союзного постановления приняли конкретные решения, куда внесли пункты о медицинском и торговом обслуживании участников ЛПВА, об улучшении условий их жизни. В частности, торговал определить магазины горпослаторга, которые станут обслуживать чернобыльцев. Правда, уже сейчас понятно, сколь

судны тем будут продуктовые наборы. Но это уже не вина продавцов — вся страна на голодном паице.

И самое искреннее спасибо Вологодскому городскому производственному предприятию «Фармация», ее руководителю Л. И. Ждановой. Фармацевты не стали ждать особых указаний, приказов, но как только узнали, что чернобыльцы нуждаются в «своей» аптеке, тут же ее определили — № 132. И будет там особый набор лекарств, скидка на их оплату и, конечно же, повышенное внимание к клиентам.

Но остается несделанным главное: полное стационарное обследование всех ликвидаторов. Оно крайне необходимо, но нет для чернобыльцев больничных коек. Совет общества пытается встретиться с заведующим горздороводелом С. А. Юзным, тот на встречу не явился.

Боли Чернобыля

По дороге в Брянск

«Чернобыльцы» направились к заместителю заведующего областным отделом здравоохранения А. А. Колякин — помните, и он однажды держал членов совета у себя в кабинете, а сам так и не пришел. На этот раз Александр Андреевич был любезнее и даже поделился предстоящими планами: по чернобыльцам готовится специальное решение, которое будет рассмотрено на коллегии отдела. Когда? В ближайшее время. До съезда успеете? Вряд ли, дело-то сложное, тут все обдумать надо, взвесить.

Но, помилуйте, раньше-то о чем думали, кто взвешивал? И кто вообще позволяет местным чиновникам столь пренебрежительно относиться к людям? Я уж не говорю о прямом игнорировании правительственного постановления.

Случайно разве совершенно больно-го участника ЛПВА, инвалида второй

группы Д. С. Вячеслава участковый врач не направил в стационар, держал дома. А ведь знал доктор, видел, что Дмитрий Семенович одинок и беспомощен. Только и помогли письмо, которое Вячеслав отправил (простой треугольник без марки, но дошло) в адрес областного «Чернобыль» и публикация в газете. Увелили Дмитрия Семеновича в больницу.

Мои коллеги-журналисты решили передать Д. С. Вячеславу гонорар за номер «Красного Севера» от 18 ноября. Но не успели — умер Дмитрий Семенович. В редакции побывал его брат, Валентин Семенович, приехал на похороны из дальнего Тарногского района. Рассказал, как трудно было семье, рано потерявший родителей. Хотелось получить образование, но учиться удалось одному Диму — не геолога. Хороший был парень, умный, здоровый и трудолюбивый. А вернулся из Чернобыля и заболел. Болея долго и тяжело. И вот умер, на сорок первом году жизни.

Материальную от редакции помощи — 235 рублей (такова сумма перечисленного нами гонорара) — Валентин Семенович принял с благодарностью: похороны нынче стоят недешево.

И еще одно мы не успели: вручить Д. С. Вячеславу удостоверение и знак участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Не было у нас ни того, ни другого. И сейчас нет. Удостоверения и знаки поручено делать Минатомэнерго, они вроде бы и не против, но, говорят, за плату. То есть каждый чернобылец должен у министерства выкупить причитающееся ему документ и знак, примерно за 3—4 рубля. Можно, конечно, закупить оптом, на всех и с прицелом на будущее. Посчитали мы с Н. К. Науцуном, прикинули и вышло, что вологодскому областному обществу «Чернобыль» требуется для этих целей около шести тысяч рублей. А где их взять? Науцун надеется на доброго дядю, то есть на какое-то предприятие, которое из соображений милосердия подсобит чернобыльцам, выделит требуемую сумму. Мне же хочется поглядеть в глаза труженикам Минатомэнерго, если, конечно, у них глаза умеющие видеть горе, а главное, совесть.

Вот с какими невольными мыслями собирались мы на I съезд союза «Чернобыль» Российской Федерации. Что увидим мы там, что услышим?

Но знаете, чего я больше всего боюсь? Что вернемся мы со съезда переполненные, как это бывает, идеями, планами, надеждами, и — вновь начнем биться в стену равнодушия и пустых, лживых обещаний. Страшно...

С. ВЕСЕЛОВА,
член совета областного общества «Чернобыль».

● Рисунок Г. Левинской.

ПИСЬМА ИЗ ДЕРЕВНИ

ПОВЕРЬТЕ, ЛЮДИ ДОБРЫЕ!

Не могу без волнения читать каждый номер «Красного Севера». Я ваш подписчик уже более сорока лет. Газета мне нравится. Вот и решил поделиться с вами и с читателями тем, что волнует.

Я член КПСС, и поэтому болит у меня последнее время душа за все, что происходит с Родиной, с моим народом и партией. Многие доказывают, что социализм у нас не было и нет, что не было и Октябрь, а был государственный переворот. Вот как! А некоторые уже предлагают на полном гапеле мяться к капитализму, сразу, с чувством, что эти товарищи себя видят с вами и с вами, а меня, крестьянина, в отлоблях и хомуте. Моя судьба, как и жизни моих предков, накрепко связана с вологодской землей. На ней я тружусь с малых лет. В свое время поработал с конным плугом, много лет держал штурвал трактора и автомобиля в колхозе, был и на

советско-партийной работе. И скажу честно: трудно мне, человеку от плуга и коровьего хвоста, в потоке красивых, а порой и припудренных фраз разобраться, где правда, а где явный обман. Нам не привыкать к тележному скрипу, но то, что ежедневно обрушивается на нас с ваших строк, трибуны, вызывает смутнение и горечь, а то и возмущение.

Я уже ветеран. Пройдет еще год. И тех, чья судьба вросла в судьбу земли вологодской, останется еще меньше. Грех правду таить, сполна досталось земле-кормилице и нам от ярых администраторов, погоды невзгод да и от нашей порой неадекватности. Но, поверьте, люди добрые, никогда душа так не томилась, не заходила мозга за мозгу, как теперь. Кажется, в войну все происходило.

Думаю, мне, что в Верховных Советах советовать с народом некогда, там меж собой поговорить не могут. Зачем же им

тревожить нас, живущих по деревням! Получили некоторые лидеры власть, а употребляют ее только для того, чтобы вбить клин между городом и деревней.

Уборка текущего года показала, что, как ни объявляли чрезвычайные положения, а на деле ничего не вышло. Лен под снегом, не скажи на сотнях гектаров рожь, пшеница, не застопорена соломой. Это ли не прямой укор тем, кто, вместо помощи деревне, завал горюх на митинги и забастовки, разжигал страсти у пустых магазинов или торпировали обустроить к зиме собственные дачи! Не пора ли Президенту власти употребить и покончить со всем этим?

Уборочная страда сейчас воочию доказала, что деревне без города, а тем более городу без деревни не прожить. А пока только и слышим: не накормит народ! Тан дайте же возможность — народ сам себя накормит.

И оденет-обует, и праздник справит!

И еще. Как не доходит до сознания высокого начальства, что пока продукция деревни — молоко, шерсть, картофель, овощи, — будет забираться по дешевке, а сельскохозяйственные машины и строительные материалы будут иметь недосыгаемые цены — никакого подъема деревни не будет. Наоборот,

это окончательно добьет колхозника.

И последнее, что беспокоит, это проект Конституции Российской Федерации. Я человек маленький, но, по моему соображению, это не документ, а опус размокания во всем и вся. Нет, нам нужна настоящая русская Конституция, и утверждать ее должен сам русский народ. И никаких гвоздей!

А. СОКОЛОВ,
колхозник.
Харьковский район,
дер. Афонинская.

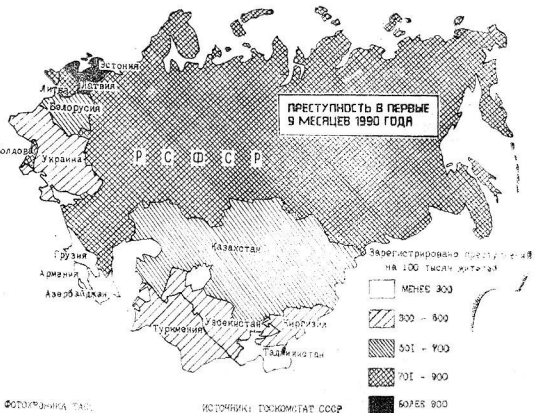
Спрашивали —

отвечал

Я инвалид первой группы, не могу ходить. Ухаживает за мной некому, хотя есть сын и муж. Но они целый день на работе, и вообще ждать внимания от них нечего — не будут они мне помогать. Слышала, что если дети и муж дадут отказ от меня в письменном виде, то меня могут поместить в дом-интернат для инвалидов. Правда ли это?

В. РОМАНОВА.

В соответствии с письмом Министерства соцобеспечения РСФСР от 2 августа 1989 года «О возмещении расходов по содержанию престарелых и инвалидов в домах-интернатах» в дома-интернаты принимаются инвалиды, имеющие материально обеспеченных детей, обязанных по закону их содержать. За консультацией вы можете обратиться в отдел социального обеспечения по адресу: ВОЛОГДА, УЛ. ЛЕНИНА, 2, каб. 15, т. 2-27-49.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Число зарегистрированных преступлений в нашей стране за девять месяцев текущего года достигло двухмиллионного рубежа. Каждое седьмое из них таковое. Эти неутешительные цифры приводят в своем отчете о состоянии преступности Государственный комитет по статистике СССР.

По данным Госкомстата, практически во всех союзных республиках наблюдается рост правонарушений. Все чаще от рук убийц гибнут люди. Всего за девять месяцев совер-

шено 18 тысяч умышленных убийств и покушений, 80 тысяч грабежей и 17,5 тысячи разбойных нападений. Практикой стало хищение оружия и боеприпасов, не уменьшается и кража государственного и общественного имущества. Их по стране зарегистрировано 285 тысяч. Хотя наша преступность еще не достигла западных, например, американских «стандартов», картина вырисовывается безрадостная. Все показатели растут, и тенденция их снижения, или хотя

бы к стабилизации обстановки пока не наблюдается. Преступность явно перешла в наступление. Смогут ли ее натиску жестко противостоять правоохранительные органы, покажет время. На карте-схеме отражен уровень преступности в союзных республиках, количество всех зарегистрированных преступлений за девять месяцев, а также расчеты на 100 тысяч жителей. Средний уровень преступности в СССР за этот период — 679 преступлений на 100 тысяч жителей.

Преступление и наказание

— Дорогая редакция! Хочу узнать, чем же закончился расследование преступления, совершенного 14 июля 1988 года в школьном лагере труда и отдыха в совхозе «Кубусинский». Наказаны или нет бандитская компания, из которой двое уже ранее судимы? Как наказан следователь, прекративший дело?

Читаю криминальную хроника и становится ясно, почему такими темпами растет преступность. Пока мы не преступаем закон, если за это советское правосудие гонят по головам! А ведь за словами «совершенное насилие» кроется глубокая человеческая трагедия.

КОНОНОВ,

г. Вологда.

Это письмо пришло в редакцию на днях. Напоминание: в очерке Г. Шалыгановой «Жестоким уроком» речь шла о необоснованно закрытом, по мнению автора, уголовном деле. Трое пьяных ворвались, сломав забор, в вагончик, в котором ночевали школьники... Уголовное дело об изнасиловании одной и покушении на изнасилование двух других несовершеннолетних было закрыто следователями Вологодского РОД, не прошедшим состава преступления.

После публикации материала в редакцию, областного прокуратора пошли письма возмущенных читателей, требующих наказания виновных. И только один человек был против — и, о, прокурора района Одищук...

Благодаря настойчивости и принципиальности старшего помощника прокуратора области Г. Ф. Осовой, старшего следователя по особо важным делам УВД областного А. П. Башакова 11 октября 1990 года суд состоялся.

Из приговора Вологодского районного народного суда:

Валентина Вишнякова, 1970 г. р., цыгана, холостого, не судимого — шестидесяти шестилетней женщины, лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Юрия Поречуку, 1961 г. р., молдаванина, холостого, ранее судимого — к пяти го-

дам лишения свободы с отбыванием срока в колонии строгого режима.

Андрей Ключников, 1966 г. р., русского, холостого, ранее судимого — к пяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Областной суд, к которому апеллировали осужденные, оставил приговор без изменения. Итак, справедливость восторжествовала. И участие читателей газет в этом неоспоримо. Но на все ли их вопросы дан ответ?

Нет. Неясно, какие выводы сделали для себя следователи, закрывшие уголовное дело. В результате Вишнякова судили за два преступления сразу. Вслед за первым изнасилованием он совершил второе, уже в применении ножа...

На суде преступники размахивали газетой со статьей Одищука «Какие вы имели право», вышедшей в след за судебным очерком, и требовали себе оправдания...

Думаешь, прав наш читатель Кононов, считая, что именно безнаказанность объясняет рост преступности. Обвинительный приговор по делу Вишнякова, Поречуку и Кириченко дает основание надеяться, что мы будем жить в правовом государстве, где жизнь каждого гражданина не будет социально защищена. А пока...

Из зала суда потерпевшие выводили под охрану милиции...

Из почты

Кружило воронье

13 ноября, во вторник, у нас в Лукьяновке в одиннадцать часов дня около продовольственного магазина упал и скоропостижно скончался человек.

Как и положено, вызвали милицию, «скорую», те прибыли, зафиксировали смерть, составили протокол и, представьте себе, уехали. А мертвый человек продолжал лежать на улице — на виду у сотен лю-

дей. И длилось это до семи часов вечера. Я сходил в опорный пункт правопорядка, там сказали: вот если бы человека убили, тогда работники пункта его бы уезжали, а раз смерть естественная — пусть другие хлопотят. И куда мы только ни звонили, ни обращались, везде отвечали: есть специальная служба по вызову покойников, работайте она с 18 часов, ждите...

Я много лет знал умершего. Он прошел войну, затем больше двадцати лет возил городские автобусы. Но вот случилось с ним беда, и он, как прибулдана собака, лежал на улице. Хорошо, что нашлись добрые люди, которые все восемь часов дежурили по очереди рядом с телом, отгоняли воронье.

Но до чего же стыдно! П. СИЛИНСКИЙ, г. Вологда.

Поселок Молочное, Паровая, с/м. Охтарский дом-интернат для престарелых и инвалидов. Сюда я пришел, чтобы познакомиться с одним из моих вешатных авторов — Д. Г. Карасевым, инвалидом детства. Единственной радостью жизни для которого стало изобретательство, совершенствование своих физических, геодезических и космических теорий. А еще — он не безуспешно работает в жанре научной фантастики. Собственно, я пришел сюда отчасти и по этой причине. Хотел передать Карасеву научно-фантастический роман, приз за победу в одном из конкурсов в любимом жанре.

— А его нет, — сообщила мне Р. Г. Шамсудинава, фельдшер второго корпуса индома (сокращенное название этого приюта для инвалидов). Карасев заболел. Попал в тузиспансо, когда вернулся, пока неизвестно. Медперсонал пояснил, что на счету здесь много. Бедных, обездоленных, чем-то недоволен, а любовь невинности к своей персоне видит козни «медицинской мафии»...

Впрочем, такой он не один. Таких здесь много. Бедных, обездоленных, оторванных от реальной жизни. Прикованных к кроватям и инвалидным коляскам, забытых Богом и семьей. Карасеву еще повезло. У него есть отдушина — в литературном творчестве, в мире его фантазий и гипотез. Сложнее другим. Там, кто отсчитывает дни по обеденному расписанию и плачущим крикам в коридорах, в дни, когда в поселковой винно-водочный магазин топчут злосчастный товар.

Нет, парализованные старики и ин-

валиды не хлещут водку по углам. Это делают другие. Вышедшие осужденные на длительные сроки, а ныне наши сограждане, волею судьбы оказавшиеся здесь же, в индоме. У них также нет своего угла, а годы дают о себе знать.

ЧУЖИЕ

ЭТИ ЛЮДИ — ИНВАЛИДЫ ЖИВУТ РЯДОМ С НАМИ, ХОРОШО ОСОЗНАВАЯ, ЧТО ОНИ НАХОДЯТСЯ У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ, ЗА КОТОРОЙ ОКОНЧАТЕЛЬНО РУШИТСЯ СВЯЗЬ С НАШИМ «ГУМАННЫМ И СПРАВЕДЛИВЫМ» МИРОМ...

Вот и направляли их сюда, к инвалидам и престарелым. Подальше от глаз людских.

Двадцать лет в доме для престарелых и инвалидов не было капитального ремонта. За это время не раз в морозные дни выходили из строя трубы канализации и теплоснабжения. И тогда инвалидам выдавались обогреватели, дополнительные одеяла. Но уютнее от этого не становилось. Потому что гипное помещение быстро забирает теплоту, а с ним последнюю человеческую надежду найти свое место, свой уголок в этой жизни.

При входе во второй корпус меня удивило, что здесь есть... сберкаска. Зачем? Оказывается, многие инвалиды и старики вполне состоятельные люди и пенсии приличные получают. Только что делать с этими деньгами, не знают. Зато знают их близкие. В пенсионный день к одной бабушке приехал

здоровенький дитя. Из тех, о которых говорят: кровь с молоком. Старушка стала сыночку обихаживать, причитать: «Надоело ли ко мне, милый? Как живешь? Как дела дела?»

В ответ — ничем не прикрытое хам-

ство. Вскоре стало понятно — пенсией я привез, чтобы сразу (не мытьем так катаньем) отобрать.

Когда медработник Т. К. Осипова пошла в чем дело, то ушла от греха подальше. Испугавшись, что не выдержит и выскажет ссербольную по рождению все, что о нем думаю. А тогда жди неприятностей. Такие, что живут лишь для себя, свою честь и достоинство (!) тщательно оберегают.

И инвалиды, и старики об этом знают. Потому и не очень надеются на участие своих чад. Сами устраивают жизнь как могут. Чего-то мастера из своих мастерских (есть здесь и такие). Шьют для себя новые обновки. А еще ходят в свой клуб, смотрят телевизор, читают книги. Но чаще сидят молча у окна или, закусив губы, лежат на своих скрипучих кроватях, часами глядя в стены. Холодные и грязные. Как их последние дни...

Нет, что ни говори, а жить здесь не просто. Рядом с людьми с расшатанной психикой, рядом с теми, кому ничего не стоит тебя оскорбить и обидеть или с циничной улыбочкой поведать окружающим как он, отец, убивал собственного сына. Потому и нет душевного мира и согласия в душах стариков и девишек-инвалидов. Потому и не идут сюда ни за какие посулы работать опытные медработники. Многие из них здесь держатся от силы по двести тридцать лет. Пока не истечет срок обязательной отработки после окончания учебного заведения. Подруги Р. Г. Шамсудинава и М. А. Алиева в этом отношении не исключение из правила. «Были бы нормальные условия для жизни и работы и платили бы нам не как сейчас, по 90—100 рублей, а раза в два больше, как положено за наш каторжный труд, разве бы мы не остались».

Удивительно, но сколько не приезжал сюда, ни разу не видел улыбки. Видно, не бывает в последнем жизненном пристанище этих людей места для счастливых минут. Но тогда зачем нужны такие дома для одиноких сердец и покореженных душ. Там, где в глазах людских видны только горе и боль, разговоры о гуманизме и справедливости становятся бессмысленными.

...Когда я уезжал из Охтарского дома-интерната, то попросил Т. К. Осипову передать книгу-приз Д. Г. Карасеву. Она ее взяла охотно: «Вот и хорошо. Пусть, пока он не приехал, наши старики почитают. Может, тогда им станет легче»...

А. ВАРЮХИЧЕВ.

Моя журналистская судьба подарила мне радость знакомства с людьми, чьи деяния пользуются широкой и заслуженной известностью. Вот за этим столом, за которым пишу эти строки, в разное время сидели Анатолий Алексин, Виктор Астафьев, Василий Белов, Юрий Бондарев, Генриэтта и Николай Бурлакин, Сергей Вискупов, Тимур Гайдар, Михаил Греку, Юлия Друнина, Сергей Залыгин, Алексей Каплер, Владимир

фы на моей, не постыжась сказать, теперь уже музейной лампе. Бывало недавно в Москве вышел одностопный стихотворений Николая Рубцова «Видение на холме». В нем есть ранее никогда не публиковавшиеся стихи. И среди них одно: «Я не плыл на этом пароходе» — с посвящением мне. Кто из истинных любителей русской поэзии по-чужому не позавидует этому!..

Придет срок, и я надеюсь, рассказку о своем знакомстве с этими людьми. Сегодня же поведаю об встрече с Алексеем Каплером — и вот в связи с чем.

Не так давно в книжках Союзопечати промелькнула книга Светланы Аллилуевой, дочери И. Сталина, — «Двадцать писем к другу». Я прочитал ее, что называется, в один присест. Это честный, искренний исповедальный рассказ о своей жизни, об отце, о матери, о близких автору людях. Книга написана в виде писем к другу — Алексею Каплеру, в которого, будучи десятиклассницей, безоглядно влюбилась Светлана.

Люди старшего поколения хорошо знают Алексея Каплера — публициста, драматурга, лауреата. Это по его сценариям поставлены такие фильмы, как «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Котловский» и другие. Каплер широко прославился в качестве ведущего кинооператора на ЦТ.

И вот однажды с группой писателей он приехал к нам в Болото. Так получилось, что те несколько дней, что писатели провели у нас, я все это время был чаще всего рядом с Каплером и его женой,

известной поэтессой Юлией Друниной. Вместе ездили в Белозерск, в Кириллов и Ферапонтово; в Вологде белой полноточью ходили на Соборную гору любоваться бесподобной Софией.

Алексей Каплер был очень красивым человеком. Ему было за шестьдесят, однако ни белесых седых волос, ни резкие морщины на лице не старили его. Обращали на себя внимание глаза — моющие, с добрым прищуром и синие-синие. Говорил он мало. Больше спрашивал и слушал. Однако охотно отвечал на вопросы.

Однажды, когда мы гуляли по ночному городу, Каплер не переставал повторять, как хороша Вологда, как легко ему тут дышится, какие громадные таланты у нас живут [мы только что говорили об В. Астафьеве и В. Белове],

я спросил, доводилось ли ему прежде быть в нашем городе! И тут случилось непонятное — у Каплера странным образом опустились плечи, было светло, и я заметил, как на его скулах проступили темные пятна.

— Простите, вам плохо! — забеспокоился я.

— Нет, нет, — смущенно сказал он. — Все нормально.

Ответа на мой вопрос Юлия Друнина, и ответ ее был неожиданным:

— Был. Он сидел тут в пересыльной тюрьме. По дороге в Воркуту...

Боже мой, у меня все переключилось в голову: Каплер в тюрьме! За что! Когда! Знал ведь: в 41-м он уже лауреат Сталинской премии, во время Отечественной войны — специальный корреспондент «Правды», после войны — новые книги, фильмы, работа на телевидении... Мо-

жет, это было в 37-м или еще раньше!

Тогда, почти двадцать лет назад, я посетил беззастенчиво задавая какие-либо вопросы на эту тему и перелом разговора на другое. И вот только теперь, много лет спустя, когда прочитал книгу Светланы Аллилуевой «Двадцать писем к другу», я понял, каковы были образы автора, в 1963 году.

Василий НЕВЗОРОВ.

...

На этих страницах мы публикуем одно из писем Светланы Аллилуевой «Двадцать писем к другу». Книга написана, как уже упоминалось, автором, в 1963 году. На снимках: Светлана Аллилуева; Юлия Друнина и Алексей Каплер. [г. Белозерск, 20 августа 1978 года].

РАССКАЗЫ О ДРУГЕ

* Алексей Яковлевич Каплер живет сейчас в Москве, учит молодых специалистов в Институте кинематографии, пишет киносценарии, проводит семинары; он, признанный старший мастер кинематографа... Жизнь его, после десяти лет ссылки и лагерей, вошла в свою нормальную колею, как жизнь многих, уцелевших и выживших после ударов судьбы.

Всего лишь какие-то считанные часы провели мы вместе зимой 1942—1943 года, да потом, через одиннадцать лет, такие же считанные часы в 1955 году — вот и все... Мимолетные встречи соркалентного человека с «гимназисткой» и недолгое их продолжение потом — стоит ли вообще много говорить и думать об этом?

Василий привез Каплера к нам в Зубалово в конце октября 1942 года. Был задуман новый фильм о летчиках, и Василий взялся его консультировать. Он позвонил тогда для этой цели также с Р. Карменом, М. Случиным, К. Симоновым, В. Войтехом, но, кажется, дальше шумных застолий дело не двинулось. В первый момент мы оба, кажется, не признавали друг друга никакого впечатления. Но потом — нас всех пригласили на просмотр фильма в Гнездицком переулке, и тут мы впервые заговорили о кино. Люся Каплер — как все его звали — был очень удивлен, что я что-то вообще понимаю, и доволен, что мне не понравился американский боевик с герман и чечеткой. Тогда он предложил показать мне «хорошие фильмы» по своему выбору, и в следующий раз привез к нам в Зубалово «Королеву Христину» с Гретой Гарбо. Я была совершенно потрясена тогда фильмом, а Люся был очень доволен мной.

Вскоре были ноябрьские праздники. Приехал много народа. К. Симонов был с Валей Серовой, В. Войтех с Л. Целиковским, Р. Кармен с женой, известной московской красавицей Ниной, летчицы — уж не помню, кто еще. После шумного застолья начались танцы. Люся спросил меня неуверенно:

* Заглавие дано редакцией.

«Вы танцуете фокстрот?... Мне шили тогда мое первое хорошее платье у хорошей портнихи. Я приколола к нему старую мамину гранатовую брошь, а на ногах были полуботиночки без башки. Должно быть, я была смешным чепыленком, но Люся заверил меня, что я танцую очень легко, и мне стало так хорошо, так тепло и спокойно с ним рядом! Я чувствовала какое-то необычайное доверие к этому толстому дружелюбному человеку, мне захотелось вдруг положить голову к нему на грудь и закрыть глаза».

«Что вы невеселая сегодня!», — спросил он, не задумываясь о том, что услышит в ответ. И тут я стала, не выпуская его рук и продолжая переступать ногами, говорить обо всем — как мне скучно было, как неинтересно с братом и с родственниками; о том, что сегодня десять лет со дня смерти мамы, а никто не помнит об этом и говорить об этом не с кем, — все полилось вдруг из сердца, а мы все танцевали, ставили новые пластинки, и никто не обращал на нас внимания.

Крепкие нити протянулись между нами в этот вечер — мы уже были не чужие, мы были друзья. Люся был удивлен, растроган. У него был дар легкого непринужденного общения с самыми разными людьми. Он был дружелюбен, весел, ему было все интересно. В то время он был как-то одинок сам и, может быть, тоже искал чей-то поддержки...

Незадолго до этого он возвратился из партизанского края. Белозерск собрал интересный материал для фильма. Он жил в нетопленной остишке «Савойи», куда приходили к нему его многочисленные друзья, военные корреспонденты.

Нас потянуло друг к другу неудержимо. После праздников Люся еще несколько дней оставался в Москве, потом ему предстояла поездка в Сталинград. В эти несколько дней мы старались видеться как можно чаще, ходя при моем образе жизни это было необычайным трудом. Но Люся приходил к моей школе и стоял под дверью соседнего дома, наблюдая за мной. А

у меня радостно сжималось сердце, так как я знала, что он там... Мы ходили в холодную военную Третьяковку, смотрели выставку о войне. Мы бродили там долго, пока не отозвонили все звонки, — нам некуда было деваться. Потом ходили в театры. Тогда только что пошел «Фронт» Корнейчуку, о котором Люся сказал, что «искусство там и не начевоало». Смотрели «Синюю птицу», потом «Пиковую даму». Люся признался, что терпеть не может оперу, но нам хорошо было гулять по фойе.

В просмотрном зале Комитета кинематографии не Гнездицком Люся показал мне тогда «Белоснежку и семь гномов» Диснея и чудесный фильм «Молодой Линкольн». В большом зале мы сидели одини...

Люся приносил мне книги: «Иметь и не иметь», «По ком звонит колокол» Хемингуэя, «Все люди — враги» Олдингтона. Он давал мне «взрослые» книги о любви, совершенно уверенный, что я все пойму. Не знаю, все ли я поняла в них тогда, но я помню эти книги, как будто прочла их вчера.

Огромная «Антология русской поэзии от символизма до наших дней», которую Люся подарил мне, вся была испещрена его галочками и крестиками около его любимых стихов. И я с тех пор знаю наизусть Ахматову, Гумилева, Ходасевича... О, что это было за антология, — она долго хранилась у меня дома, и в какие только минуты я не заглядывала в нее...

Мы ходили вместе по улицам темной заснеженной военной Москвы и все никак не могли наговориться... А за нами поодаль шествовала мой неслышавший «дыдка» Михаил Никитич Климов, совершенно обескураженный сложившейся ситуацией и тем, что Люся очень любезно с ним здоровался и давал прикурить. Мы как-то не регистрировали на «дыдку», да и он без-

1 «По ком звонит колокол» он мне достал в переводе, который уже тогда ходил по рукам, но до сих пор не опубликован!

злбно глядел на нас — до поры, до времени...

Люся был для меня тогда самым умным, самым добрым и прекрасным человеком. От него шли свет и очарование знаний. Он раскрывал мне мир искусства — незнакомый, неизведанный. А он все не переставал удивлять меня, ему казалось необыкновенным, что я понимаю, слушаю, внимательно его слова, и что они неходят отзвук...

Вскоре Люся уехал в Сталинград. Это был канун Сталинградской битвы. Люся знал, что мне будет интересно все знать, что он увидит там, — и он сделал потрясающий по своему царству и легкомыслию шаг... В конце ноября, развернув «Правду», я прочла в ней статью спещора А. Каплера — «Письмо лейтенанта Л. из Сталинграда. Письмо первое» — и дальше, в форме письма некоего лейтенанта к своей любимой, рассказывалось обо всем, что происходило тогда в Сталинграде, за который следил в те дни весь мир.

Увидел это, я похолодела. Я представила себе, как мой отец разорван был газетой... Дело в том, что ему уже было «допложено» о моем странном, очень странном поведении. И он уже однажды намекнул мне очень недобрым тоном, что я веду себя недостойно. Я оставила этот намек без внимания и продолжала вести себя так же, а теперь он, несомненно, прочтет эту статью, где все так понятно, — даже нашехождение в Третьяковку описано совершенно точно...

И надо же было так закончить статью: «Сейчас в Москве, наверное, идет снег. Из твоего окна видна зубчатая стена Кремля». Боже мой, что теперь будет?

Люся возвратился из Сталинграда под Новый, 1943-й год. Вскоре мы встретились, и я его умоляла только об одном: больше не видеться и не звонить друг другу. Я чувствовала, что все это может кончиться ужасно. Он и сам был обескуражен и говорил, что статью он посылал не для «Правды», что его «подвели друзья». Но, по-видимому, он и сам понимал, что мы привлекаем к себе слишком опас-

ное внимание, и он согласился, что нам надо расстаться.

Мы не звонили друг другу две или три недели — весь оставшийся январь. Но от этого только еще больше думал друг о друге. Позже, через двенадцать лет, мы сопоставляли события: Люся говорил, что лежал это время на диване, нигде не ходил и только смотрел на стоявший рядом телефон.

Наконец, я первая не выдержала и позвонила ему. И все снова закрутилось. Мы говорили каждый день по телефону не менее часа. Мои домашние были все в ужасе.

Решили как-то образумить Люсю. Ему позвонил полковник Румянцев, ближайший помощник и правая рука генерала Власика — одна из тех же фигур, охранявших отца. Уж им-то все было известно про нас, да и зачем-то никогда не было. Румянцев дипломатично предложил Люсе уехать из Москвы куда-нибудь в командировку, подальше... Люся послал его к черту и повесил трубку.

Здесь февраль мы снова ходили в кино, в театры и просто гуляли. Тучи ступали над нами, мы чувствовали это. В последний день февраля был мой день рождения, — мне исполнилось тогда 17 лет, мы хотели где-нибудь посидеть спокойно в этот день и никак не могли придумать, как бы это сделать? Ни один из нас не имел возможности прийти домой к другому, мы могли только найти нейтральное место. Но и в пустую квартиру около Курского вокзала, где собирались иногда летчики Власика, мы пришли не один, а в сопровождении моего «дядьки» Климова; он был учено-испытателем, когда по упрямству в школе я вдруг деинвалировался совсем не в обычном направлении... И там он сидел в смежной комнате, делая вид, что читает газету, а на самом деле старался уловить, что же происходит в соседней комнате, дверь в которую была открыта настежь.

Что там происходило? Мы не могли больше беседовать. Мы целовались молча, стоя рядом. Мы знали, что видимся в последний раз. Люся понимал, что добром все это не кончится, и решил уехать, у него уже была газета командировки в Ташкент, где должны были снимать его фильм «Она защищает Родину» о белорусских партизанах. Нам было горько и сладко. Мы молчали, смотрели в глаза друг другу и целовались. Мы были счастливы, безмерно, хотя у обоих нездоровились слезы.

Потом я пошла к себе домой, устала, разбитая, предвкушая беду. А за мной плелся мой «дядька», тоже содрогавшийся от мысли, что теперь будет ему...

А Люся поехал домой собирать вещи, чтобы через несколько дней уехать из Москвы. 1-го марта у него была Таня Тосс. Он сидел грустный, подавленный, — это мне рассказывали они оба — Люся и Таня — через двенадцать лет. А на следующий день, 2-го марта 1943 года, когда он уже собрался ехать, пришли к нему домой двое и попросили следовать за ними. И поехали они все на Лубянку. Тут увидел Люся и знаменитого нашего генерала Власика, приехавшего лично удостовериться, так ли все идет, как надо. Все шло, как надо... Люсю обыскали, объявили ему, что он арестован. Мотивы — связи с иностранцами. Он действительно был не раз за границей и в Москве знал едва ли не всех иностранных корреспондентов. Этого он не мог отрицать. И этого было уже достаточно для обвинения в чем угодно...

Обо мне, разумеется, не было произнесено ни одного слова. Так началась для Люси иная жизнь, которая продолжалась долго, начиная с этого дня, десять лет...

3-го марта утром, когда я собирался в школу, неожиданно домой приехал отец, что было совершенно необычно. Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня да так и приросла к полу в углу комнаты. Я никогда еще не видела отца таким. Обычно сдержанный и на слова, и на эмоции, он задыхался от гнева, он едва мог говорить: «где, где это все?», «выговаривайтесь, где же это эти письма твоего писателя?»

Нельзя передать, с каким презрением выговаривал он слово «писатель»... «Мне все известно! Все твои телефонные разговоры — вот они, здесь!» — он похлопал себя руками по карману. — Ну! Давай сюда! Твой Каппер — английский шпион, он арестован!»

Я достала из своего стола все Люсини записки и фотографии с ним, писанные, которые он привез мне из Сталинграда. Тут были и его записные книжки, и наброски рассказов, и один

новый ценный о. Шостаковиче. Тут было и дайджест печальное прощальное письмо Люси, которое он дел мне в день рождения — на память о нем. «А я люблю его!» — сказала некогда, я, обрета дар речи. «Любишь!» — выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову — и я получила две пощечины, — впервые в своей жизни. «Подумайте, няня, до чего она дошла!» — он не мог больше сдерживаться. «Идет такая война, а она зашла...!», и он произнес грубые мужицкие слова, — других слов он не находил...

«Нет, нет, нет, — повторяла моя няня, стоя в углу и отмахиваясь от чего-то страшного пухлой своей рукой. — Нет, нет, нет!»

«Как так? Нет!! — не унимался отец, хотя после пощечин он уже выдохся и стал говорить спокойнее. — Как так нет, я все знаю!», И, взглянув на меня, произнес то, что сразу меня напало: «Ты бы посмотрела на себя — кому ты нужна! У него кругом бабы, дура!» И ушел к себе в столовую, брав все, чтобы прочитать своими глазами.

У меня все было спомано в душе. Последние его слова попали в точку. Можно было бы безразлично пытаться очертить в моих глазах Люсю — это не имело бы успеха. Но когда мне сказали: «Посмотри на себя» — тут я поняла, что действительно, кому могла быть я нужна? Разве мог Люся всерьез полюбить меня? Зачем я была нужна ему? Фразу о том, что «твой Каппер — английский шпион» я даже как-то не осознала сразу. И только когда, потом, когда к себе, с собой, машинально продолжалась собираться в школу, поняла, наконец, что произошло с Люсей... Но все это было как во сне.

Как во сне я вернулась из школы. «Заиди в столовую к папе», — сказали мне. Я пошла молча. Отец рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии. «Писатели!» — бормотал он. — Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла быть русского найти? То, что Каппер — еврей, раздражало его, кажется, больше всего.

Мне было все безразлично. Я молчала, потом пошла к себе. С этого дня мы с отцом стали чужие на долго. Не разговаривали мы несколько месяцев; только летом встретились снова. Но никогда потом не возникало между нами прежних отношений. Я была для него не та любимая дочь, что прежде.

Люся был вскоре выслан на Север на пять лет. Он жил в Воркуте, работал в театре. По окончании срока он решил уехать в Киев, к своим родителям (в Москву ему не разрешили вернуться). Но он все-таки, неожиданно, приехал в Москву, несмотря на всю опасность. Это был 1948 год...

Он приехал. И когда он сел в поезд, чтобы ехать в Киев, то в вагон вошли, и со следующей станции он был увезен совсем в другом направлении... Теперь уж его выслали не на поселение в лагерь, а в штрафные лагерь под Интой, работать в шахте. Еще пять лет. За ослушание...

В марте 1953 года кончался его срок. Он просил, чтобы ему разрешили вернуться в Воркуту, где был театр, чтобы поселиться там. Но его неожиданно перевели снова на Лубянку в Москву...

И вскоре, в июле 1953 года, ему сказали: «Вы свободны. Можете идти домой. Какой ваш адрес? Куда бы вы хотели позвонить?». И он вышел, и пошел по летним улицам Москвы, которых не видел столько лет, по жарким июльским улицам и бульварам...

Все эти десять лет я почти ничего не знала о Люсе достоверно; образ жизни мой был таков, что я не могла бы встретиться с его друзьями там, чтобы то не стало тут же известным. Я знала лишь, что он выслан на Север «за связи с иностранцами». Не знала я и того, что в 1948 году он недолго был в Москве.

Мне оставалась только память о тех счастливых мгновениях, которые подарил мне Люся.

И вот пришел 1953 год. И пришло снова 3-е марта, через десять лет после того дня, когда отец вошел разъяренный в мою комнату и ударил меня по щекам. И вот я сижу у его постели, и он умирает. Я сижу, смотрю на суету врачей вокруг и думаю о разном... И о Люсе думаю, ведь десять лет, как он был арестован. Какова его судьба? Что с ним сейчас?

А еще через год, на II-ом съезде советских писателей в Кремле, в зале, том, о котором Георгиевичем мне я встречал Люсю через одиннадцать лет после того, как мы виделись в последний раз...

ПОКУШЕНИЕ

Фотокорреспондент Информационного агентства «Новости» Сергей Субботин, выполняя задание редакции, 7 ноября 1990 года снимал ход праздничных событий на Красной площади. Его точка была на крыше ГУМа. Все шло по привычному сценарию. Были отсняты сюжеты о военном параде, начале и ходе демонстрации. И вдруг где-то рядом Субботин услышал два громких хлопка. Первая мысль — бабахнули из ракетки. Машинально поднял голову вверх, но никаких признаков разрыва в небе не было. Тут же посмотрел вниз и увидел, как несколько человек бросились в одну точку и повисли на каком-то человеке. Мощно лопнула, что происходит что-то необычное. Субботин с профессиональной сноровкой вскинул камеру. Заговор «Никона» щелкнул, и в следующее мгновение группа людей внизу исчезла под козырьком ГУМа.

Итак, вкратце напомним картину происшедшего. Старший сержант 1-го полка патрульно-постовой службы Мосгорисполкома Андрей Мильников, сопровождавший колонну демонстрантов Бауманского района столицы, совершенно случайно очутился рядом с Александром Шмоновым в тот момент, когда тот, выхватив из-под полы окхотничью давушку со спяльным прикладом, прицелился в сторону мавзолея. Мильников среагировал мгновенно: скватившись, застав, рванул его вверх. Затем дернул ружье на себя и вниз. Стоявшая в стороне ГУМа цепочка милиционеров, одетых в штатское, бросилась врассыпную, кое-кто упал на брусчатку. Второй выстрел прицелился в землю. Оправившись от неожиданности, к Мильникову на помощь подошли трое курсантов высшей школы милиции из оккупации, два участковых и еще какие-то люди. Навалившись на Шмонова,

снютажи. Когда Шмонов атаковали с Красной площади, то обнаружили, что под пальто он плотно стянут марлей. Уже потом выяснилось, что марля держала сделанный из толстого войлока самодельный «бронежилет». Между тем старший сержант Мильников остался стоять на месте происшествия с ружьем в руках. Мимо текли праздничные колонны, подшучивая над странным поведением. Наконец, Мильников связался по рации с дежурным и спросил, как ему быть дальше. Минут через пять к нему подошел человек из милиции, представившись подполковником КГБ, забрал двухлетнюю винтовку. Потом Мильников позвали в одну из комнат ГУМа и попросили написать рапорт о случившемся. Тут же находился А. Шмонов. И старший сержант слушал, как тот, отвечая на вопросы, сказал: «Я хотел убить Горбачева».

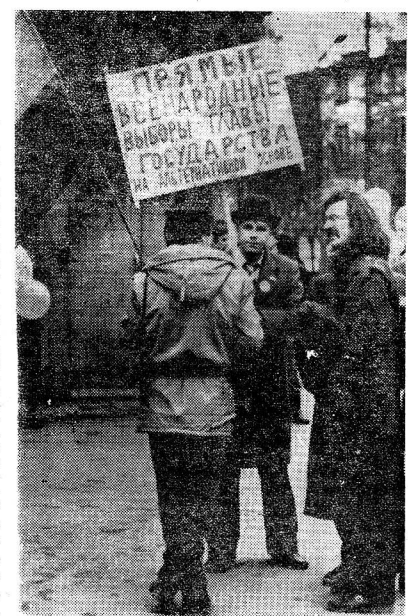
Сейчас Александр Шмонов находится в следственном изоляторе КГБ СССР в Лефортово. Ему предъявлено обвинение по ста-

тье 15 и первой части статьи 66 Уголовного кодекса РСФСР — «покушение на террористический акт». По сведениям помощника Генерального прокурора СССР Анатолия Врублевского, А. Шмонов полностью признал предъявленные ему обвинения по всем пунктам. И дал показания о том, как он готовился и осуществлял задуманные действия. А. Шмонов ведет себя спокойно, отвечает на все вопросы следователя. Режим содержания в изоляторе не нарушает. Пока от него не поступало никаких жалоб. После сбора медицинских данных о состоянии здоровья Шмонову будет назначена и проведена судебно-психиатрическая экспертиза, после чего он предстанет перед судом.

Юрий ЗАРИТОВСКИЙ, «Фотообзорение ИАИ».

На снимках: момент задержания; Александр Шмонов (с плакатом) весной 1990 года во время предвыборной кампании в Колпине (пригород Ленинграда).

Фото М. Шарпова.

Хотя Кувейт и далеко...

По сообщениям информационных агентств [не «Зеркала», в районе кризиса в Персидском заливе населению раздают противогазы. Как видно, химическая война опасается не только на Ближнем Востоке: в Тарногском Городе неизвестные похитили из помещения РТП «Тарногское» противогазы и костюмы химзащиты. Общая стоимость украденного — 447 рублей. Интересно только, что воры с этими вещами делать будут? Или, как некоторые наши сограждане, тоже собираются помогать Саддаму Хусейну? А средства защиты раздали все же с собой прихватить — вдруг там с ними напряжения...

Берегите шапки, держите вора

На улице вроде бы уже не холодно. Но без шапок на улицу люди выходить не решаются, боятся простудиться. Однако их ждет опасность лишиться зимнего головного убора: за неделю зарегистрировано тринадцать таких случаев (семь в Вологде, пять в Череповце). Причем в Вологде, на улице Герцена, двое парней избили тринадцатилетнего мальчика и отобрали у него спортивную шапочку. Произошло это днем, было еще светло — неужели никто из взрослых прохожих не мог заступиться за школьника!

К. АНДРЕЕВ.

Личный взгляд

Не будет нам покоя

Известный социолог с телеэкрана говорит: «Общество должно отдавать себе отчет, что критический потенциал, накопившийся в молодежной среде — предвещник. Нас ожидает молодежный бунт».

Проблема отцов и детей существовала, вероятно, всегда. Но трагичный оттенок она принимала не тогда, когда дети особенно отчаянно и ожесточенно спорили с отцами, а тогда, когда они отцов своих просто не замечали, как бы исключали из своей жизни.

Однажды у станции Ленинградского метро мне пришлось наблюдать, как толпа подростков расхоплась с концерта «Айкуш». Спальные невидимыми узами солидарности, они текли с неумолимостью и равнодушием природы не мимо — сквозь редких встречных прохожих. Они видели их, но не отличали от стен домов, деревьев, асфальтных тумб.

В том же, «нашем» измерении существовала статка парней и девочек на арбатском переулке прямо напротив знаменитой стены, посвященной памяти Виктора Цоя. Гитара, негромкая песня, одна сигарета на всех. Милые, юные, добрые лица. Но только до тех пор, пока они не заметили, видимо, слишком пристального взгляда с их стороны. Даже это они восприняли как попытку вторжения на автономность своего существования. Обращенностью, как шитом, отгородились тутчас.

Мне хорошо известно, и они чувствуют не путая в этот свой мир. В котором есть все: любовь, дружба, надежность, верность, не мелочность и главное — понимание.

Этот нам снурком ни видится грубым, оштанчивающим, по-разному и так далее. У них, внутри, все иначе.

А ведь было время, когда путь в этот мир еще не был закрыт для нас. Когда нас туда даже звали. Но мы, в качестве отцов, требовали хороших оценок а дневные и корриктор стрижки, и, в качестве общества, посылали их, что еще не разучились любить, в школу и надеяться на комсомольские стройки и в Афганистан.

Отношения отцов и детей были построены на любви. И дети возмемали любовь. Они делают, что угодно, — балуются, о рока, бродяжничают, слушают себя наркотиками, не устает, не работают, — но не лгут. Они — такие, какие есть, и ни за кого себя не выдают. Ни под кого не подстраиваются.

В атмосфере невидимого для непосвященных братства им хорошо. Свой круг как крепость. Но если изменяет этот мир и это братство — рушится все. И жизнь, и досиль бесцельная, утрачивает какой-либо смысл. Страшна роль молодой преступности, но еще ужаснее другие причины.

Самый большой процент самоубийств — среди подростков и молодежи. Если правила игры, которые они в своем милитаризованно-равнодушном презрении отгварли, все равно преследуются за их святая святых.

Не могу застыть письмо семнадцатилетнего человека. Торопливые строчки за пять минут до смерти. «Я все равно ничего не могу сделать. Ничего не докажет. Но я не хочу быть похожим на всех вас...».

Страшное письмо. Приговор обществу, пропитанному эгоизмом и лицемерием.

Социолог с экрана продолжал: только двадцать процентов подростков и молодежи лояльно относятся к тому, что делают их отцы. Остальные категорически не приемлют ни образ жизни, ни отношение к жизни взрослых.

Они не хотят быть похожими на нас? Конечно, можно успевать себя, что это естественно: каждое новое поколение начинает свое самостоятельное с отцами. Но... «ты кто-нибудь понимаешь в этих... новых, молодых? Ну что у них там, а голоса, просят, о чем они думают, что хотят? — вопрошал сорокатишней герой одного из популярных фильмов. — Я вот гляжу на них — и ничего не понимаю».

Книжный герой другого фильма написал: «Счастье — это когда тебя понимают».

И нет счастья — ни тому, ни другому без этого понимания. Нет и покоя.

Светлана ЗАЙЦЕВА.

МЫ УВИДЕЛИ ЭТОТ колокол, когда у нас ухидили из ЛТП. Присыпанный снегом, он сиротливо висел под деревом, а мимо проходили женщины в фуфайках с ПОГАСШИМИ ГЛАЗАМИ НА БЛЕДНЫХ ЛИЦАХ. ОНИ НЕ ЗАМЕЧАЛИ ЕГО.

— Это пожарный колокол, — пояснила замполит женского лечебно-трудового профилактория Г. И. Федотова. — В него давно уже не звонили.

«Социальная помойка», «тормами», «швейное производство». Каких только характеристик мы здесь не услышали. В Вологодском ЛТП находится около четырехсот пьющих женщин из пятнадцати областей страны. И поскольку создан он полтора года назад, кстати, на месте бывшей женской тюрьмы, то направили сюда самых безнадежных.

Знаете, как они работают? Первое место по области среди исправительно-трудовых учреждений области за третий квартал. Это и оценка воспитательной работы. «Специнтернаты» выпускает в год более чем на десять миллионов рублей продукции, давая более миллиона рублей прибыли.

Цифры эти вводят в смущение. Планируется продукция, ставится план, планируется и численность «специнтернатов» — чьи-то слезы, чье-то горе...

— Мы бы рады улучшить условия жизни, труда наших подопечных, — говорит начальник ЛТП В. Д. Громыко. — Но ведь почти вся прибыль уходит в центр.

Что за товар уходит из Вологодского ЛТП? Это «специал» из смеси черного цвета с кислото-жаростойкой пропиткой для рабочих металлургической и химической промышленности. Пользуется большим спросом.

В минувший вторник группа народных депутатов горсовета с корреспондентом областного радио в авангарде проследовала в обкомовскую столовую и начала детально заглядывать в подсобки, котлы, в тарелки обеды партия.

Обнаружить ничего такого «жирного» не удалось: обыкновенные щи, жареный майтай, гуляш. Но тем не менее, претензии были высказаны.

— Почему у вас ложки, вилки и ножи, а у про-

восемь часов в день видеть перед глазами лишь черную ткань... Когда мы проходили по швейному цеху, видели милых, симпатичных женщин. Далеко не у каждой бурное прошлое оставило след на лице. Им бы шить из синчиков веселой расцветки детские платочки... Но, как нам сказали врачи, шестьдесят процентов клиентов лишены родительских прав. Многие из них даже не вспоминали о своих детках...

Поблизки мы и в столовой, где поваром—бывшая пациентка ЛТП. Кстати, есть женщины, которые днем работают и летают в ЛТП, а на ночь уходят домой. Они, конечно, самые счастливые. Трудно перенести разлуку с близкими, все время быть на людях, когда даже в жилой комнате — тридцать пять коз в два яруса...

За хорошее поведение их могут отпустить в воскресенье в церковь или театр, просто погулять по городу, разрешить приезд близких.

— У нас не так уж плохо, — сказала приятная женщина лет пятидесяти. — Сын мне пишет, какая ты, мама, стала — роженка, поправилась. В гости приезжал. Вот придет домой, рюмки в рот не азыму.

Но есть и другие женщины: озлобленные, не верящие в хорошее. С одной из них мы разговорились. Ольга приехала из другой области. Полая в беда, она однажды добровольно пришла к наркологу. Но вскоре против своей воли оказалась в ЛТП.

Говорят, после ЛТП разведенные не имеют процентов чатырнадцатой. Тогда есть ли смысл держать

того трудового народа и лобать нечем! — А почему у вас чашки, а не стаканы, как подают в общественном питании!

У ЗАМОЧНОЙ СКВАЖИНЫ

В общем-то, привилегии кое-какие были: в виде чистых ложек, вилок и чашек. Пользовались, кстати, ими большинство депутатов и работников областного радио, прокуратуры и других организаций.

здесь остальные 86 процентов? Или в этом как раз нет привилегий?

Отдохнув два года в ЛТП от пьяной, разгульной жизни, подлечившись и приобретя приличный вид, многие из этих женщин удерживались, чтобы снова не скатиться на дно? Когда мы говорили об этом с начальником медсанчасти В. И. Ивановым, он справедливо заметил: чтобы начать пить, найдется тысяча причин. Половина пациентов профилактория страдает от депрессии, треть оказалась в жилой комнате тупике. А ведь перед вином все равны: и слезы, и профессор.

— Среди ваших пациенток, Вадим Иванович, есть с высшим образованием? — спрашиваем.

— Их единицы, — ответил В. И. Иванов.

«Минздрава предупреждает. Кстати, пациентки ЛТП считают, что лучше бы перевести профилакторий в ведение Минздрава. Ведь даже врачи здесь ходят в шинели. Это угнетаете действует на психику больных».

Вот только откажется ли МВД от прибыльной работы? Или в этом году Вологодскому женскому профилакторию запланировано выпустить швейных изделий на девять с половиной миллионов рублей, достигнув одного миллиона 233 тысяч рублей прибыли. По последним прикидкам продукции будет выпущено на 12 миллионов рублей, прибыли — полтора миллиона.

Но из этих денег лишь процентов десять—двадцать остается в профилакторий. Да и эти крохи стараются отобрать. Если равняться на содержание управленческого аппарата

Удивляет столь пристальное внимание депутатской комиссии по привилегиям к внутренней жизни партия. Можно посоветовать провести еще рейд

по обкомовским туалетам. И оборудовать, есть ли туалетная бумага. Грустно. И страшно. Сидаром Шарникова прогрессирует. А в это время железнодорожные пути застыли вагонами с неразгруженным товаром, в сфере

изымали 24 тысячи рублей, то теперь уже 30 тысяч.

Что тут попишешь, рынок, наверное, виноват. Кстати, он уже сказывается на жизни коллектива. Если до сих пор пациентки платили за питание по тридцать рублей в месяц, то теперь плату придется увеличить: продукты-то покупаются по договорным ценам. На содержание учреждения с них пока берут тридцать процентов заработка.

Напряженка с лекарствами не обошла и ЛТП. Количество отпускаемых медикаментов сократилось на сорок процентов. Но еще больший страх перед возможной безработицей. Совершенно не ясно, будет ли план следующего года обеспечен материалами? Заказчики ждут продукцию, а вот поставщики тканей, химических составов кинулись искать более выгодных партнеров, которые могут заплатить валютой.

Под угрозой безработицы обитательницы ЛТП окажутся за воротами этого учреждения. Только на поповину заперло о трудоустройстве после выписки отвечают с бывших мест работы этих женщин. И хотя утешал их недавно в своей проповеди отец Василий, навестивший ЛТП, никто не может дать гарантии. Их встретит совсем другая жизнь, чем раньше. А в трудовых книжках — штамп о пребывании в ЛТП. Клеймо на всю жизнь...

Беда ли их, вина ли в том, что однажды они не расплылись тревожный звон пожарной колокола?

Г. ШАЛЫГАНОВА.

На снимке Е. Соколова — пациентки ЛТП.

ре торговлю процветает спекуляция, транспорт работает из рук вон плохо, а в реку Вологда, из которой мы все пьем, шумными потоками несутся нечистоты и сбросы городских предприятий. Хоть и худенькая была партияная власть, но она все-таки...

Новые демократы, понавив избирателям отобрать власть у партияпарата, брать ее не хотят. Так и лежит она, никому не нужная, бесхозная, эта власть. А некоторые депутаты, видимо, поставили новую задачу — отобрать у партияпарата вилок, ложки и туалетную бумагу...

О. ВЕСЕЛОВ.

